

— Начинаем десятый комплекс общенациональной радиогимнастики для учащихся средних школ: «Время призывает»!

— Первое упражнение — потягивание!

Под звуки доносящейся с улицы радиогимнастики Гу Мэн заплелся в умывальную комнату. Глаза у него слипались от сонливости, но стоило столкнуться в дверях с соседями-супругами — свежими, гладко выбритыми и до неприличия довольными жизнью, — как от его дремоты не осталось и следа.

Бо Е как раз бережно промокал полотенцем капли воды на изящном подбородке Тан Чжи. Скользнув по вошедшему ленивым взглядом, он ровным голосом произнес:

— Доброе утро, учитель Гу.

Из-за вчерашнего невольного подслушивания у стенки — дела крайне неблагородного — Гу Мэн чувствовал себя неловко. Прижимая к себе тазик для умывания, он обогнул их по широкой дуге и натянул на лицо вымученную улыбку:

— Доброе, ребята. Доброе утро.

Закончив умывать Тан Чжи, Бо Е залюбовался его раскрасневшимися от махрового полотенца щеками. Влажная челка слегка прилипла ко лбу, отчего и без того молодое лицо парня казалось совсем детским. Бо Е не удержался и слегка ущипнул его за щеку.

Открыв баночку с детским кремом, он привычным движением подцепил немного пальцем и принялся нежно втирать его в кожу Тан Чжи, попутно бросив Гу Мэну:

— Слушай, насчет вчерашней ночи...

— Вчера ночью я вообще ничего не слышал! — испугавшись, что этот наглец начнет расспрашивать в духе «мы вам не помешали?» или «не слишком ли громко за стеной проходит наша супружеская жизнь?», Гу Мэн поспешно перебил его и тут же поперхнулся зубной пастой. — У меня сон богатырский, меня и пушкой не разбудишь! Спал как убитый, все было просто замечательно! Тихо, спокойно!

Бо Е удивленно выгнул бровь.

— Учитель Гу, вы чего так разволновались? — в его голосе сквозило искреннее недоумение. — Я всего лишь хотел узнать, не погиб ли кто-нибудь сегодня ночью.

—... А.

«Похоже, я сам себя накрутил», — подумал Гу Мэн.

Смыв остатки пасты и набрав в рот холодной воды, чтобы успокоить бешено заколотившееся сердце, он выдавил:

— Я только глаза продрал, так что не знаю. Сейчас закончу и пойду по комнатам, поспрашиваю.

Бо Е и Тан Чжи, закончив утренние процедуры, направились к выходу. У самых дверей Тан Чжи, вечно ко всему подозрительный, внезапно обернулся. Гу Мэн, который в этот момент украдкой разглядывал их со спины, тут же поймал его взгляд, запаниковал и резко уткнулся в зеркало. Лицо его залилось краской, а в воздухе повисла на редкость неловкая тишина.

Тан Чжи прикусил губу. Догнав Бо Е, он молча скользнул пальцами в его ладонь и крепко сжал ее. Его обычно холодное, безупречное лицо почему-то тоже вспыхнуло пунцовым румянцем.

Как вскоре выяснилось, четвертая ночь действительно выдалась спокойной — никто из игроков не пострадал. Но отсутствие жертв никого не обрадовало, а лишь посеяло новые сомнения. Впрочем, делиться своими мыслями вслух никто не спешил: спросишь прямо — и покажется, будто ты сам жаждешь чьей-то смерти. Никому не хотелось портить отношения и навлекать на себя лишние подозрения.

Поскольку приводить в порядок актовый зал сегодня не требовалось, оставшиеся в живых десять игроков разбились на группки и разбрелись по территории.

Психика Юй Мэнмэн трещала по швам. Когда Цинь Цзинцзин заглянула к ней в комнату, та сидела на кровати с растрепанными волосами, уставившись невидящим взглядом в голую побеленную стену. На плечи ее было накинуто одеяло, словно девушку бил сильный озноб.

— Юй Мэнмэн... Мы со Шуйсин собираемся сходить в учебный корпус. Ты... не хочешь с нами?
— Цинь Цзинцзин не решилась переступить порог и тихо звала ее от двери.

Та даже ухом не повела, продолжая безучастно сверлить взглядом стену.

Поняв, что ответа не дождется, Цинь Цзинцзин вздохнула:

— Ладно, все уже разбежались. Если что-то понадобится, пиши на телефон. Я пошла.

— Никто отсюда не выйдет, — внезапно прохрипела Юй Мэнмэн. Она медленно повернула голову. В ее глазах дикий, первобытный ужас мешался с безумием, а губы растянулись в

жуткой, зловещей усмешке. — Вы все сдохнете.

По спине Цинь Цзинцзин пробежали мурашки. Перепугавшись до смерти, она развернулась и без оглядки бросилась прочь.

Тем временем Гу Мэн и Эньцзинь, сделав круг по учебному корпусу, дождались начала урока и незаметно проскользнули в кабинет учителей английского языка старших классов. Им нужно было найти хоть какие-то зацепки, указывающие на личность «учителя».

На рабочем столе искомого преподавателя царил полнейший хаос. Повсюду валялись раскрытые конспекты и стопки экзаменационных листов — явный след позавчерашнего налета Сюй Синя, который даже не удосужился замести за собой следы.

Примостившись на вертящемся стуле, Гу Мэн покрутился из стороны в сторону и скомандовал:

— Эньцзинь, поройся в этих бумагах. Посмотри, нет ли там чего-нибудь, связанного с Чуньцзы.

Тот молча сгреб кипу листов и отошел к соседней тумбе, принимаясь за поиски.

Гу Мэн же нагнулся и принялся потрошить выдвижные ящики стола. В нижних секциях не оказалось ничего примечательного — лишь банальные личные вещи. А вот в самом верхнем ящике лежала аккуратная стопка тетрадей для диктантов по английскому языку. Он достал их и принялся лениво пролистывать одну за другой. Судя по оценкам, Класс 3-А учился блестяще: под каждой проверенной работой красовалась размашистая надпись красными чернилами — «Excellent».

Тетрадь для диктантов по английскому языку Чуньцзы лежала в самом низу. Гу Мэн аккуратно выудил ее и раскрыл. На страницах пестрел аккуратный, каллиграфический почерк без единой пометки или исправления. Почти все слова были написаны идеально правильно. Типичная тетрадь примерной отличницы — настолько выверенная и чистая, что глазу зацепиться было решительно не за что.

Потеряв к ней интерес, Гу Мэн захлопнул тетрадку и бросил ее поверх остальных. Он постучал стопкой по столу, выравнивая края, чтобы убрать обратно в ящик, как вдруг из-под обложки тетради Чуньцзы выскользнул уголок бумажного обрывка.

Нахмурившись, Гу Мэн осторожно вытащил листок. Это был клочок, вырванный из самой дешевой ученической тетради в синюю линейку — бумага была настолько некачественной, что чернила на ней слегка расплылись. Но написанную фразу можно было разобрать без труда.

Гу Мэн впился взглядом в строчку.

— Эньцзинь, иди-ка сюда. Взгляни на это.

Эньцзинь оторвался от бумаг, подошел и заглянул через плечо Гу Мэна.

На клочке бумаги темно-синей гелевой ручкой было нацарапано:

«Учитель, я больше так не могу. Я на пределе».

Выйдя из учительской, они направились в сторону кабинета класса 3-А. Но стоило им приблизиться к дверям, как изнутри донеслись приглушенные голоса. Говорил мужчина:

— Раз уж мы дошли до такой крайности... Думаю... попытаться все-таки стоит...

Гу Мэн застыл на месте. Он предостерегающе поднял руку, призывая Эньцзиня замолчать, и беззвучно одними губами скомандовал: «Ни звука».

Аккуратно, стараясь не шуметь, он прислонился спиной к стене рядом с дверным проемом и украдкой заглянул внутрь.

В самом центре класса, окружив парту Чуньцзы, плотным кольцом стояли пять человек. Сюй Синь стоял у доски, повернувшись лицом к остальным.

Поправив дужку очков, он продолжил:

— Вчера вечером Канди поделился со мной соображением, что смерти игроков напрямую связаны с загадочными сообщениями. На данный момент из тех, кто переслал ту эсэмэску, в живых остались только Юй Мэнмэн и Шуйсин. Сегодня уже пятый день. Если догадка Канди верна, то... — Сюй Синь бросил сочувственный взгляд на Шуйсин и вздохнул. — ...следующими жертвами Чуньцзы почти наверняка станут они обе.

За дверью Гу Мэн задумался. Версия Канди действительно имела смысл. Тайная рассылка сообщений другим игрокам нарушала правила естественного поведения в рамках сценария, что вполне могло взбесить мстительного призрака.

Шуйсин нервно откинула за спину длинные волосы. С трудом скрывая раздражение, она обвела присутствующих тяжелым взглядом:

— Давайте начистоту. Кто еще отправлял эту хрень?

— Да я вообще никакого сообщения в глаза не видел! — буркнул Чжан Гоцян.

Ван Кэлэ и Цинь Цзинцзин хором отозвались:

— Мне приходило, но я просто проигнорировал.

— А я сразу удалила.

Сюй Синь промолчал. Шуйсин требовательно кивнула в его сторону:

— А ты?

— Мне ничего не приходило, — спокойно ответил Сюй Синь, вновь поправляя очки.

Шуйсин опустила голову и нахмурилась, изо всех сил пытаясь казаться спокойной, но Гу Мэн заметил, как мелко дрожат ее пальцы.

Сюй Синь покачал головой и посмотрел на притихших игроков.

— Мы еще во второй день сошлись на том, что Шуйсин не может быть «учителем». Что касается Юй Мэнмэн... если только она не гениальная актриса, разыгрывающая помешательство — а на это не похоже, — то она тоже вне подозрений. Получается, если мы сегодня не выдадим настоящего виновника, то потеряем еще двоих. Убийца окажется в шаге от победы. Так что скажете? Может, рискнем и попробуем сыграть на опережение, пока Чуньцзы не нанесла новый удар?

В классе повисла тяжелая, гнетущая тишина. Все прекрасно понимали, что именно кроется под этим невинным словом «попробовать».

Гу Мэн скользнул взглядом по Эньцзиню. Тот, казалось, вообще не слушал заговорщиков — он увлеченно вертел в руках обрывок из тетради Чуньцзы. Несколько точных, быстрых движений пальцев — и невзрачный клочок бумаги превратился в крошечного оригами-журавлика.

Почувствовав на себе взгляд Гу Мэна, Эньцзинь едва заметно улыбнулся. Он осторожно взял его за руку, вложил бумажную птицу в ладонь и одними губами произнес:

«Тебе».

На душе у Гу Мэна скребли кошки. Он лишь молча кивнул и поднес журавлика поближе к глазам, бездумно рассматривая бумажные крылья.

— Вообще-то, — Ван Кэлэ боязливо втянул голову в плечи, — еще на третий день, когда погибла соседка Юй Мэнмэн, я предлагал слить... ну, вы поняли кого. Если бы вы тогда меня послушали, все бы уже закончилось. И Чэнь Лянчжи остался бы жив.

— Но... у нас же нет никаких доказательств, что Эньцзинь — это тот самый учитель, — засомневалась Цинь Цзинцзин, испуганно переводя взгляд с одного лица на другое. — Вдруг настоящий виновник сейчас сидит среди нас?..

Чжан Гоцян, не отличавшийся терпением, со всей дури шарахнул кулаком по парте:

— Слышь, ты на кого батон крошишь?! Я чист как слеза младенца, так что рот прикрой!

Цинь Цзинцзин испуганно вжала голову в плечи и заискивающе прильнула к Шуйсин, продолжая обиженно бурчать под нос:

— Да я просто говорю, что под подозрением все. Зачем сразу накидываться на Эньцзиня...

Сюй Синь присел на край парты и тяжело, со значением выдохнул:

— Цзинцзин, пойми: мы в тупике. Если мы сейчас продолжим бездействовать, то просто подпишем приговор остальным. Хочешь и дальше смотреть, как наши ребята гибнут один за другим?

Цинь Цзинцзин всхлипнула и разрыдалась.

— Да не давите на меня! Я не могу в этом участвовать! А если Эньцзинь невиновен? Мы его просто так отдадим Чуныцзы на растерзание? Это же зверство...

— Вечно ты разводишь сопли! Тьфу, бабье болото! — Чжан Гоцян раздраженно махнул рукой, пытаясь скрыть собственное волнение. — Короче, пишите меня. Эньцзинь этот... ведет себя реально подозрительно. Я «за».

В коридоре Гу Мэн бережно опустил бумажную птичку в карман и шумно выдохнул. В этот миг его захлестнула такая волна отвращения к происходящему, что захотелось просто провалиться сквозь землю.

Эньцзинь стоял рядом, небрежно прислонившись к стене. Его лицо оставалось абсолютно спокойным, словно за закрытой дверью обсуждали судьбу какого-то постороннего человека, а не его собственную жизнь.

Пока Цинь Цзинцзин размазывала слезы по лицу, Ван Кэлэ недовольно зыркнул на нее:

— Цзинцзин, из-за тебя вечно все стопорится. Хватит тянуть команду на дно. — Он обернулся к остальным: — Ладно, нас уже четверо. Я сейчас сгоняю в общагу за Юй Мэнмэн, а потом все вместе пойдем к учителю Сяюю.

Шуйсин молча кивнула. На ее лице не отразилось ни единой эмоции.

— Давай, поторапливайся.

Почувствовав облегчение от того, что решение наконец принято, Ван Кэлэ припустил к выходу, но на самом пороге резко затормозил, едва не врезавшись в стоявших там людей.

— У-учитель Гу... — Его глаза округлились от неожиданности. Заметив стоявшего рядом Эньцзиня, парень тут же отвел виноватый взор и пробормотал, пытаясь побыстрее проскочить мимо: — Я это... в общежитие на минутку.

— Ван Кэлэ.

Парень не успел сделать и пары шагов к лестнице, как ледяной голос Гу Мэна заставил его замереть. Чертыхнувшись про себя, он нехотя обернулся.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? — тихо, но отчетливо произнес Гу Мэн. — Если вы сейчас начнете хладнокровно сливать своих же, этот маховик уже не остановить. И следующим, кого ваша банда решит принести в жертву, вполне можешь оказаться ты сам.

Под его пронизывающим, полным презрения взглядом Ван Кэлэ ощутимо сдал назад. Однако упрямство взяло верх:

— А если это реально он? Тогда и «следующего» не понадобится, игра просто закончится.

Не желая больше слушать нотации, он развернулся и побежал вниз по ступенькам.

Шум у дверей, разумеется, привлек внимание оставшихся в классе игроков, но никто из них так и не решился выйти. Гу Мэн заглянул в кабинет и столкнулся взглядом с Сюй Синем. Тот хладнокровно поправил очки и сразу же отвел глаза, уставившись в окно. Шуйсин по-прежнему стояла поодаль, пряча руки за спиной и капризно надув губы.

Гу Мэн глубоко вдохнул прохладный воздух, посмотрел сквозь оконное стекло на безмятежное синее небо и тихо сказал стоящему рядом мужчине:

— Пойдем отсюда. Нужно поискать в других местах.

Эньцзинь мягко перехватил его за запястье, не давая сделать шаг, и покачал головой:

— Бесполезно. Мы уже не успеем.

Глаза Гу Мэна опасно заблестели от подступающих слез ярости и бессилия.

— Даже если они добудут чертов список, им еще нужно как-то передать его Чуньцзы! У нас есть время, мы найдем этого ублюдка-учителя раньше! — Он мертвой хваткой вцепился в ладонь Эньцзиня, силой притягивая его к себе. В этот момент ему было плевать на приличия и гордость, его душили злость и отчаяние. — Послушай меня, черт тебя дери! Это твоя жизнь! Борись за нее, слышишь? Хватит строить из себя гребаного мученика и опускать руки!

Эньцзинь опустил ресницы, разглядывая раскрасневшееся, взволнованное лицо напротив. На его губах вдруг появилась едва заметная, удивительно теплая улыбка.

«До чего же он красивый».

От Гу Мэна всегда пахло солнцем и свежевystираным бельем — этот родной, уютный запах дарил странное умиротворение посреди царящего вокруг кошмара.

Романтичный момент бесцеремонно прервал тяжелый шаг на лестничном пролете. Бо Е, благодаря своим длинным ногам, взлетал по ступеням через две за раз и в мгновение ока оказался на четвертом этаже.

Окинув недоуменным взглядом державшихся друг за друга мужчин, он хмыкнул:

— Эньцзинь, ты что, довел нашего учителя Гу до слез?

Гу Мэн поспешно открыл рот, собираясь оправдаться, но Бо Е уже прошел мимо них. Оперевшись обеими руками о дверной косяк класса, он негромко бросил замершим внутри игрокам:

— Ван Кэлэ мертв. Труп на лестнице.

Слова упали в гробовую тишину. Лица присутствующих мгновенно окаменели, а в глазах застыло тупое оцепенение.

А случилось все буквально пару минут назад. Бо Е и Тан Чжи, обойдя школьный двор, как раз возвращались в учебный корпус. Стоило им подняться на второй этаж, как сверху, насвистывая

и буквально перепрыгивая через ступеньки, кубарем слетел сияющий от радости Ван Кэлэ.

— Кэлэ, ты куда так летишь? — лениво поинтересовался Бо Е.

Парень воровато зыркнул по сторонам и, решив не выдавать своих планов, буркнул на ходу:

— Да так, надо одного человека найти.

И проскочил мимо.

Навязываться с расспросами Бо Е не стал. Они с Тан Чжи продолжили подъем, но не успели сделать и нескольких шагов, как снизу раздался истошный, захлебывающийся вопль, сменившийся глухим, жутким стуком катящегося по ступеням тела.

Резко обернувшись, они замерли.

Прямо посреди лестничного пролета, неестественно ровно, стояли чужие ступни.

Тан Чжи судорожно вцепился в плечо Бо Е и спрятал лицо за его спиной, испуганно подглядывая из-за широкого плеча лишь краем глаза.

Это действительно была пара отрезанных человеческих ног. Их аккуратно, словно гильотиной, срезало чуть выше щиколоток. Из рваных, сочащихся багровой кровью срезов торчали острые белые обрубки костей. Жуткие конечности замерли на ступенях в динамичной позе — одна чуть впереди другой, словно человек застыл посреди шага.

Бо Е осторожно перегнулся через перила. Чуть ниже, в луже собственной крови, лежал Ван Кэлэ. Из его носа и рта толчками выходила багровая пена, а тело сотрясали мелкие конвульсии. Заметив, что парень еще дышит, Бо Е уже собирался спуститься, чтобы попытаться помочь, как вдруг глаза Ван Кэлэ остекленели, судороги прекратились, а голова безжизненно завалилась набок.

— Все, отбегался, — Бо Е со вздохом легонько похлопал прижимающегося к нему Тан Чжи по макушке.

Он вновь перевел взгляд на остывающий труп и нахмурился. На бледной коже за левым ухом погибшего отчетливо проступал свежий, сочащийся кровью символ.

Бо Е прищурился, вглядываясь в рану.

— Новая метка, — негромко произнес он. — Буква «О».

<http://bllate.org/book/19652/1973198>